

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677007, Республика Саха (Якутия)
E-mail: voma@mail.ru

ЭПОХА ТЫГЫНА: ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ФОРМИРОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО ОБРАЗА

В статье изучается проблема существования потестарной культуры среди саха (якутов) в дорусский период. Миф о Тыгыне как предводителе якутских племен имеет широкую историографию. Из соотнесения фольклорных материалов с письменными документами можно проследить время и условия формирования фольклорного образа якутского владыки.

Ключевые слова: история Якутии, вождество, раннее государство, потестарная культура, фольклор, миф, историография.

Серьезной проблемой в исторической науке является оценка истории бесписьменных народов. Ориентироваться только на фольклор как на добросовестный исторический источник не стоит. Исторические предания – сложный жанр, несущий в себе печать современности; фольклор приспособляет события, происходившие в древности, к более поздним историческим реалиям. Он имеет привычку менять свои сюжеты в согласии с реалиями современного ему времени. Отраженная лишь в фольклоре легендарная для Якутии фигура Тыгына имеет обширную историографию. В создании этой исторической мифологемы, оценке политической структуры якутского общества дорусского периода, участвовали многие видные историки. Как предводителя якутских родов оценивали Тыгына С. А. Токарев [1945] и А. П. Окладников [1949], не сомневавшиеся в его историческом существовании. Личность Тыгына постарались раскрыть народный писатель Далан (В. С. Яковлев) в историческом романе «Тыгын Дархан» и С. Потапов в спектакле «Тыгын Дархан». В постсоветский период (в 90-е гг.) фигура Тыгына стала символом якутской государственности. Цель настоящей статьи – изучение соответствия фольклорных сюжетов и историографических версий об эпохе

Тыгына с письменными источниками XVII в. Научной новизной является сопоставление якутских сюжетов о эпохе Тыгына с британскими легендами о короле Артуре, историческими реалиями эпохи сложения раннего государства в Древней Руси и Скандинавии.

Безусловно, при анализе роли легендарной фигуры Тыгына в истории народа саха (якутов), в фольклорной традиции, имеющей определение его в качестве якутского «царя» («мунур ыраахтаагы») [Борисов, 1998], следует учитывать исторические условия, при которых легенды создавались. В исторической литературе есть примеры, когда этнос, попавший под мощное культурно-историческое влияние имперского народа, занимался мифотворчеством в фольклорных произведениях. Изменения в политическом плане, принесенные пришельцами, отражаются в фольклоре в прошлом времени. Один из примеров – британские легенды о короле Артуре.

Фольклорные источники об эпохе Тыгына можно было встретить во всех регионах расселения якутов – они имелись даже у северных якутов Колымы и Момы, Верхоянска и Абыя. В науке зачинателем мифологизации истории якутов, можно назвать Г. В. Ксенофонтова, рассматривавшего Ты-

гына в основном на материалах фольклора, в качестве верховного правителя саха. Согласно И. Страленбергу, переселение саха из Байкальского региона на Лену возглавлял предводитель по имени Дэнси Тархан Тэгин. Отсюда Г. В. Ксенофонтов допускал, что особый говор, принадлежавший группе последних завоевателей якутской земли, сохранялся среди населения на Сайсарской равнине; именно они могли передать И. Страленбергу общетюркское произношение терминов *тэгин* и *тархан* [1992. С. 42]. Полное совпадение элементов якутской лексики, относящихся к области социальной терминологии, с тюрко-монгольскими социальными терминами (*кулут, бокан, чахар, тойон, туйгун, тутук, боотур, сесен, дархан, тыгын, хаан, элэй*) показывал также А. П. Окладников [1947. С. 119].

Согласно такой гипотезе, когда предки саха переселялись с Байкала, у них мог быть вождь по имени Тэгин, следовательно, допустимо говорить о существовании целой династии предводителей Тыгынидов. По предположению Г. В. Ксенофонтова, с появлением данной династии на всю территорию Якутии могла распространиться царская власть с ямской повинностью. Существование династии было прервано только русским завоеванием – Тыгын в качестве верховного правителя саха передал власть над своим народом русскому царю. Именно данным обстоятельством исследователем объясняется подчинение 31 якутской волости небольшому отряду П. Бекетова [1992].

С версией Г. В. Ксенофонтова солидаризовался якутский краевед 1930-х гг. Г. А. Попов, который считал, что саха на Лене в миниатюре создали тюркское государство с его социальными группами, имевшими соответствующие термины (*беги, кулы*), и *тегином* во главе. Он полагал, что на Лене складывалась довольно сложная общественная организация со всеми признаками северного феодализма [2005. С. 48]. Среди этих северных феодалов постепенно возвысился кангаласский Тыгын – победитель всех родов саха [Там же. С. 94].

Исследователи давно обратили внимание, что в русских документах нет свидетельства о Тыгыне как царе или предводителе якутских родов (кроме смутного упоминания о некоем «Тынина», оказавшем со своими людьми сильное сопротивление казакам атамана И. Галкина). Этот «Тынья»

или «Тынина» выведен как один из крупных *тойонов* Кангаласской волости, возглавившей сопротивление казакам. Данное обстоятельство роднит нашего героя с образом легендарного британского короля Артура, о котором имеется единственное документальное свидетельство, что бриттов в битве с саксами возглавлял некий Медведь (по валлийски – *Atru*).

Тынья являлся отцом Челая (по якутски Чаллаайы), Откурая (Ёлькёрёй), Бозеко (Бёдьёкё) – военных предводителей кангаласского рода. Однако эти сыновья Тыгына в исторических событиях 1636 и 1642 гг. хотя и были сильными и влиятельными *боотурами*, но никогда не выступали в качестве предводителей всего народа. Только смертельно раненого в бою атаманом Иваном Галкиным Откурая, который был реальным руководителем кангаласцев и их союзников в событиях 1636 г., можно обозначить в качестве военного вождя ополчения из нескольких якутских родов – Откурай и намский Мымак собирали крупные отряды воинов. Но, видимо, их незначительное место в фольклоре объясняется тем, что именно данные исторические персонажи повлияли на создание образа якутского правителя.

С. И. Новгородов, как и П. А. Ойунский, с легендарным Тыгином отождествляли *тойона* Намского рода Мымака – предводителя якутского ополчения, осаждавшего Якутск в 1634 и 1642 гг. По С. И. Новгороду, *мымак* означало по якутски «князец», «староста», а Тыгын значит «князец-престолонаследник»; отсюда выражение «князец Мымак», в переводе «Тыгын Мымак» [Ионова, 1950. С. 20]. Мымака с Тыгином роднит то обстоятельство, что он умер в русской тюрьме, как и легендарный Тыгын. Фольклорный образ Тыгына, стоявшего во главе якутских дружин, осаждавших Якутский острог, вполне соответствует роли Мымака – реального руководителя якутского ополчения в 1634 и 1642 гг. Личность предводителя совместного якутско-тунгусского антиказачьего выступления, вождя тунгусского рода долган Дыгынча (фольклорный Даринча?) с 600 людьми, умершего в русском остроге в качестве заложника, также вполне совпадает с фольклорной биографией Тыгына.

К имени Тыгына, или по новому написанию Дыгыну, в фольклорных источниках

обычно прикрепляется второй термин – имя Дархан. Якутский термин *дархан* А. П. Окладников сближал с тюрко-монгольским термином «тархан» – «дархан» в значении вождь племени или рода, глава народа, предводитель, военачальник. В якутской юрте имелось почетное сидение *дархан-олох*. Изучив его предназначение, он пришел к выводу, что *дархан-олох*, как и стул *туора-дархан*, могли быть почетными сиденьями, предназначенными именно для *дархана* [1949. С. 111]. По мнению А. П. Окладникова, в древности якуты именовали *дарханами* наиболее могучих племенных вождей, прославившихся подвигами и подчинивших себе обширные области. Такой вывод он сделал в результате анализа предания, записанного Н. Г. Золотаревым со слов П. С. Семенова. Эта родословная начинается с Эллэя. Его сын Дойдулаах Сирдээх Дойдууса дархан («имеющий землю-страну дархан») собрал большое богатство и ездил в бурятскую землю, на Баргузин и Томск. Его земли тянулись от устья Вилюя до устья Витима. При слабом сыне Хомуйан-дархане владения его распались. Через него, в пятом поколении, родился Чыкын-Мурман, который стал именоваться Тыгын-дарханом [Там же. С. 106]. Но кроме этого устного предания, приведенного А. П. Окладниковым, нет иных фольклорных сведений о существовании такой генеалогической ветви *дарханов*.

Если проследить корни тюрко-монгольского термина *тархан*, то он имел функцию «собирателя податей». В. М. Никифоров ссылается на труд Г. В. Ксенофонтова «Эллайада», где имеется упоминание 11 различных *дарханов*. Так, известен любопытный персонаж Сююлэ Дархан, который мог получить свое прозвище из-за обязанности поставлять в Якутск ясак вместо богача [Никифоров, 2002. С. 24].

Я. И. Линденау писал о существовании особого титула «Тойон-ууса», буквально – «тойонский род», означавший господствующее положение среди якутских родов прямых потомков первопредка Эллэя. В связи со спорами о порядке наследования этого титула со смерти отца Тыгына началась ожесточенная борьба за власть, в которой верх взял Тыгын, убивший и разогнавший своих братьев. По изложенной исследователем версии, Тыгын не успел стать *дарханом* – верховным правителем якутских родов, из-

за распрей внутри правящего клана, затем прихода русских завоевателей [1983]. Приводимые сведения свидетельствуют о возможности существования общеплеменного вождя якутского этноса с титулом *дархан*. Однако данный вывод Я. И. Линденау был сделан также исключительно на основе фольклорных источников.

Реально по документам Тыгына был лишь одним из якутских князцов. В 1631–1633 гг., по ясачным книгам и челобитным П. Бекетова и И. Галкина, титул «князец» имели всего 42 якута из 16 улусов. В Кангаласской волости А. А. Борисов насчитал до 16 человек, владевших титулом «князец» на протяжении первых 30 лет со времени прихода русских людей [1997. С. 55]. Вероятно, этим титулом в русских документах назывались предводители родовых или клановых подразделений. По сведениям Г. Ф. Миллера, «до прихода русских над всеми якутами господствовали князцы Кангаласской волости, самым знатным из которых был Тыгын» [2005. С. 69].

В письменных документах Тыгын фигурирует под именем Тыгына, а у Г. Ф. Миллера – Тынья. Это говорит о том, что исторический Тыгын – отец Чаллаайы, Ёлькөрөя и Бёдьёкё, в якутском языке мог носить имя Тыгин, а титульное или мифологическое имя Тыгын Дархана могло быть прикреплено к нему впоследствии. Тем самым мифологический Тыгын или Дыгын Дархан – это совершенно отличная от исторического Тыгына личность.

С. В. Санников при анализе мифологем, связанных с формированием образа власти, предлагает применить комплексный методологический подход, опираясь на концептуальные разработки К. Г. Юнга, Г. Куперсона и Г. Барта. Это позволяет ему рассмотреть широкий спектр мифологических архетипов. В сакральной мифологии выделяется комплекс мифологических образов, связанных с представлением о сверхъестественном происхождении публичной власти и сакральной природе носителей данной власти, обозначаемых им как «потестарная мифология». В качестве примеров потестарно-мифологических образов он приводит богов Одина и Фрейра как древних конунгов Швеции [Санников, 2009]. Рассмотрим возможность приложения сути подобных образов применительно к Тыгыну.

В фольклоре Тыгына из кангаласцев упорно называют всемогущим царем саха до прихода русских. А в чем видят рассказчики его царские достоинства и привилегии?

Фольклорный образ верховного правителя всегда связывается с резиденцией, где он принимает гостей и собирает свое войско. Так, относительно Тыгына существует мнение, что он имел три резиденции: первую – между маленькими речками Алагана и Куллаты в долине Эркээни; вторую – у озера Табага; третью – где построен город Якутск, т. е. у озера Сайсаары [Линденау, 1983. С. 109]. Когда Тыгын, прогнав тунгусов, убивших Тюсюлгэ Даххана (Дойдууса Дархана или Даххана), стал хозяином долин Эркээни и Гуймаады, владения его простирались от Намского улуса до мальжегаров. От Тыгына отошли и стали впоследствии отдельными улусами (с XVIII в.) люди родов, принадлежавших тойонам Кээрэкээну – дьохсогонцы (будущие таттинцы), Лёгёю – борогонцы; от Батас Мёндюкээнэ произошли батурусцы [Боло, 1994. С. 144–161]. Таким образом, реально мы видим распад старого племенного единства, возникновение самостоятельных племенных образований. Безусловно, этот процесс занял долгое время. Легендарное ядро фольклорного цикла, вероятно, сложилось в более древнее время. На эту мифологическую основу после XVII в. стали наслаиваться исторические предания, отражающие исторические события переломного XVII в. [Борисов, 2005. С. 24].

Для раннего государства было характерным, что персона сакрализованного правителя – царя, представлялась «посредником» между божествами и подданными. Символика власти требовала, чтобы в общении с ней подданные подчеркивали свою полную ничтожность. С учетом этого обстоятельства рассмотрим фольклорные данные, рисующие образ якутского царя Тыгына. Например, в них говорится, что Тыгына якобы сажали на особое «возвышенное ложе». Приезжающие из далеких краев входили к нему, кладя поклоны на его колени, выходили также с поклонами – словом, обращались с ним, как с божеством [Окладников, 1949. С. 62; Боло, 1994. С. 62]. Роль Тыгына как полноправного царя саха сказители видят и в том, будто он если увидит или услышит, что у кого-либо имеется скот или прочее богатство, то тотчас же отправлялся к нему и отбирает силой. Тыгын, прибыв на землю другого рода, прежде всего требовал, чтобы ему дали часть их людей в качестве

хара, т. е. война-слуги, а в случае невыполнения полностью истреблял данный род, что и произошло с ходоринцами. В якутском языке существуют термины *солук*, *эньнэ* и словосочетание *халаан ылбыт*, сравнимые с древнеуйгурскими терминами «калан», «салыг», означавшими налог и «инчжес» – феодальную собственность. Имеются и многочисленные свидетельства о том, что эти якутские термины применялись на практике [Васильев, 1995. С. 55–56]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Тыгын собирал дань с покоренных родов. В то же время известно, что он сам платил *эр сулуута* бетунцам, после того как его войско возвратилось от них с поражением [Боло, 1994. С. 47].

После появления государства устанавливается право – нормы поведения, исходящие от государства. Это диктовалось тем, что господствующая часть общества была заинтересована в возведении существующего положения в закон. Так, в Древней Руси появилась «Русская правда» Ярослава. В фольклоре саха есть ясные упоминания о введении первых узаконенных норм обычного права именно Тыгином, в частности, о телесном наказании и штрафе скотом. Например, Тыгын своему сводному брату Быркингаа-Боотуру – предку вилюйских саха, за похищение и убийство его людьми любимого коня в наказание назначил выплату в 40 коней и телесное наказание после окончания *ысыаха*, продолжавшегося с начала лета до наступления осени [Ксенофонов, 1977. С. 72–94]. Кто не повиновался, тех он убивал.

Тыгын, подобно восточным властителям, имел харизму. Сюр-харизма находилась в хребте, спинном мозге («сюр») Тыгына, подобно тому, как Илбис (военная удача, харизма рода) – в позвоночнике его коня. Конь Тыгына был рыжим, ближе к красной масти, которая символизировала огненную природу скакуна [Парфенова, 1999. С. 28]. Рыжий цвет коня относится к солярному образу: «Конь Тыгына на Чочур-Муране» связан с почитанием неба.

Мудрец (мудрый отец) – архетип, прослеживающийся в германском потестарно-мифологическом образе бога и эпического конунга Одина. Тыгын тоже изображается в образе глубокого, мудрого старца. По словам А. П. Окладникова, «Фигура Тыгына – мудрого старца, владыки и грозного воина, избранника Улуу Тойона – уже при жизни сливалась на этом фоне с величественными

образами эпических богатырей и языческих богов» [1949. С. 115].

Защитник (покровитель) – архетип, рассматриваемый как элемент упомянутого К. Г. Юнгом представления о «золотом веке», для которого характерно наличие правителя, опекающего своих подданных. И этот архетип является характерным для образа Тыгына. Эпоха Тыгына представлялась поздним поколениям якутов «золотым веком». А. А. Борисов в образе Тыгына, кроме того, видит и символ освободительной борьбы [1998. С. 48–49], т. е. в фольклорных произведениях о Тыгыне проводится мысль о собирании им якутских земель в одно целое.

По определению С. В. Санникова, герой – один из значимых архетипов, прослеживаемых в эпосе и потестарной мифологии [2009]. Так, В. Л. Серошевский популярность Тыгына попытался объяснить упорным сопротивлением Кангаласского улуса русскому завоеванию. Можно согласиться с его утверждением, что сыновья Тыгына в Союзном совете не пользовались верховным авторитетом [1993. С. 451]. Роль Тыгына как предводителя якутских родов в фольклоре представляется собирательной, эта фигура могла сыграть роль и в формировании образа легендарного предводителя антивоеводского восстания Джэллика (Дженника), по преданию также потомка Тыгына. В целом следует предполагать, что в образе Тыгына воплотились исторические лица XVII в., которые боролись против произвола воеводской власти.

В якутском фольклоре существовал еще и образ Искателя (проводника) – потестарно-мифологический архетип, атрибутами которого являются странствия, поиски и совершение походов. Так, владыка Тыгын ездил по рекам Амге, Таатте и требовал воинов и работников из родственных племен: Боотур ууһа, Мэнэ ууһа, из аймахов Ханалас [Боло, 1994. С. 147]. Во главе дружины воинов в двести человек, держащих *батыйа*, он совершал множество походов против чужих родов, чтобы подчинить их своей власти. Походы Тыгына были в основном направлены против намцев, хоролюров, баягантайцев и вилюйчан, а также против представителей иных этнических групп, занимавших территорию Средней Лены [Ксенофонов, 1977. С. 148]. В XVII в. действительно существовала военная сила, совершавшая походы против якутских родов и взимавшая с них дань. Это отряды русских казаков. Поэтому в якутском фольклоре об-

раз предводителя многочисленной сильной военной дружины, подчиняющего якутские роды, мог сформироваться под влиянием образа казачьих атаманов и перенесен рассказчиками в дорусское прошлое народа.

В целом, в фольклоре появление якутов в северных и вилюйских районах объясняется бегством отдельных *боотуров*, боявшихся преследования Тыгына. Якутские роды на Вилюе, на Крайнем Севере свое происхождение выводили от родственников Тыгына, бежавших от него или отправленных им для поиска новых земель. Но по свидетельству архивных документов расселение якутов в северных и вилюйских районах происходило во второй половине XVII и на протяжении XVIII в. и связывалось с уходом от ясачного платежа. Они, осваивая территорию Северо-Востока России, приносили с собой предания о Тыгыне – предводителе кангаласцев и всего народа саха.

Жертва (мученик) – специфический потестарно-мифологический архетип, прослеживаемый на материале ряда образов эпических и мифических конунгов. Так и Тыгын становится жертвой казачьего вероломства. Он попадает в плен и умирает в неволе. В некоторых преданиях Тыгын умирает, пав духом, со сломленным *сюр*, его тело покрывается язвами, он утомляется и слабеет. О. А. Парфенова сюжет со стуком в спине перед смертью Тыгына связывает с помещением «сюр-харизмы» в хребте, спинном мозгу [1999. С. 28]. В действительности, как отмечал А. П. Окладников, Тыгын «как-то незаметно и тихо сошел с исторической арены» [1949. С. 115]. Русские документы даже и не отметили смерти грозного якутского «царя» преданий, так недавно еще потрясавшего свою лесную страну, десятки лет державшего в страхе свой маленький народ. Я. И. Линденау пишет, что Тыгын был взят казаками в заложники и умер как пленник перед приездом первых воевод в Якутский острог.

Праведник – архетип восстановителя легитимного порядка, справедливости, получающего помощь сверхъестественных сил. Так, когда Тыгын был ребенком, случилось предзнаменование, что ему суждено быть великим человеком. На его копье, на самое острие, «опустился» сгусток крови, который он проглотил.

Оплодотворитель – архетип, получающий выражение в образе верховного правителя, являющегося источником плодородия земли и богатства народа. О любимом сыне Тыгына Муос Уол или Таас Уллунах рас-

сказывается: «Когда этот мальчик спал, то от его дыхания все вещи в доме приходили в движение. Когда засыпал в лесу, сила его дыхания клонила деревья и травы» [Боло, 1994. С. 83]. «Тело его было как литое из плотного материала, не поддавалась ни ударам, ни нажимам, а ступни были тверды, как камень. Когда он в семилетнем возрасте бежал, земля дрожала, а на крик его небо вторило непогодой, ветрами и морозом» [Там же. С. 103]. Таким образом, в любимом сыне Тыгына нетрудно узнать описание природы родной страны.

Тыгын также является архетипом сыноубийцы, стоящего в одном ряду с мифом о гонимых героях. Так, ему приписывают убийство двух мифологических сыновей Таас Уллунах («каменная ступня») и Муос-Уол («каменный парень»). Тело этого парня было покрыто роговой чешуей подобно античному Ахиллесу, что указывает на глубокую архаичность образа Тыгына [Борисов, 1998. С. 95–96].

Дыгын, или же Тыгын, был известен как воин, богатырь, ставший тойоном благодаря своему богатству, обилию скота и подвластных ему людей, его соплеменников. Необходимо подчеркнуть, что всю свою жизнь Тыгын устраивал *ысыахи*, куда приглашал именитых людей из улуса (своего, видимо), из других земель, организуя игры и заставляя их состязаться, меряться славой [Предания, легенды..., 1995. С. 103]. Только затем, когда желтела трава, он начинал военные действия [Боло, 1994. С. 93]. В таком облике Тыгына можно увидеть образ типичного бигмена, которыми обычно становились наиболее инициативные люди, обладавшие физической силой и отличавшиеся трудолюбием, являвшиеся хорошими организаторами, способными улаживать конфликты.

Вступая в дискуссии о существовании якутского «государства» Тыгына, мы сталкиваемся как с мифологизацией, так и политизированием истории на определенных этапах становления суверенитета республики. Подобные мифологические государства, сведения о котором встречаются только в фольклорных источниках, имеются у многих народов. Они вызывают непрекращающиеся научные дискуссии и, в основном, существуют в народной памяти этноса, смыкающейся с литературой. А. А. Горский подчеркивает, что, говоря о «государстве», как и в случае с «феодализмом», мы имеем дело с научной абстракцией. Термин «государство» в современном значении известен только с XV в. В раннем Средневековье то,

что мы именуем «государственная власть», было представлено лишь князем и дружиной [2002. С. 40]. По словам А. А. Горского, в общественную элиту можно было войти только через вхождение в дружинную организацию. Затем из состава дружины выделялись первые гражданские феодалы – *тиуны*, они управляли княжеским вотчинным хозяйством [Там же]. Такое явление, характерное для Древней Руси, можно увидеть и в легендах об эпохе Тыгына.

Ф. Ф. Васильев пришел к выводу о наличии в раннеякутском обществе обособленного военного сословия профессиональных воинов [1995. С. 60]. Строго говоря, именно это сословие и было аристократией. На примере Майагатта Бэрт Хаара, Батас Мёндюкээна Лёгёя и других героев можно увидеть, что возникновение института *тойонов* было связано с выделением отдельных *ботууров* из дружины Тыгына. *Тойонов* нельзя назвать только родовыми вождями, так как они имели рабов и слуг, были частными владельцами скота и людей. Если эти фольклорные сведения, которые Г. В. Ксенофонтов и А. П. Окладников принимали как свидетельства существования государственной или общеплеменной организации, соответствовали истине, то они говорят лишь о существовании сильной родовой дружины у кангаласцев.

Г. В. Ксенофонтов связал основание предполагаемой династии Тыгынидов с личностью последнего уйгурского кагана Энеь-Тегина, который «без вести пропал». Но уйгурский каганат погиб в IX в., а сам исследователь считал, что последняя волна южных переселенцев на Среднюю Лену с этим Тегиним прибыла лишь в XII в. [Ксенофонтов, 1992. С. 42]. Кроме того, в фольклорных источниках имя Тыгына выводится от слова «тыын» – дыхание. Недаром еще Ф. Ф. Васильев сомневался в отождествлении имени Тыгына с тюркским термином *тегин*, так как человек с подобным именем не встречается в других фольклорных источниках [1995. С. 37].

Время, в котором жил легендарный Тыгын, якутский фольклор называет эпохой *кыргыз юйэтэ* – временем войн и раздора. Обычно считается, что этот исторический период предшествовал русскому завоеванию края, когда шли межплеменные войны и феодальные усобицы, прекратившиеся с приходом русской администрации. Но многие события, приуроченные к данной эпохе, происходили на самом деле после прихода русских людей и зафиксированы в докумен-

тах. Так, знаменитый и красочно запечатленный в фольклорных источниках погром нахарцев бетюнцами зафиксирован в архивных документах XVII в., а погром легендарных хоролоров на озере Мюрю сыновьями Тыгына описывается как нападение «Тыниновичей» на ясачных якутов князя Лёгёя. Отсюда можно констатировать, что враждебные действия между якутскими родами происходили и после прихода русских казаков. Следовательно, и сама фигура Тыгына как главного деятеля «эпохи войн» прямо связана с XVII в., с формированием феодального класса у якутов и с ростом их самосознания как «якутской элиты». Историческое осмысление этой легендарной личности на основе сравнения фольклорных и письменных данных может помочь в раскрытии образа короля Артура и им подобных мифологических владык эпохи Возрождения и становления ранних государств.

Список литературы

Боло С. И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: по преданиям якутов бывшего Якутского округа. Якутск: Нац. кн. изд-во: «Бичик», 1994. 320 с.

Борисов А. А. Якутские улусы в эпоху Тыгына. Якутск: Нац. кн. изд-во: «Бичик», 1997. 160 с.

Борисов А. А. Тыгын – человек, легенда, символ. Якутск, 1998. № 2–3. С. 40–49.

Борисов А. А. Тыгын // Якуты легендарные и исторические личности. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2005. С. 19–26.

Васильев Ф. Ф. Военное дело якутов. Якутск: Нац. кн. изд-во: «Бичик», 1995. 220 с.

Горский А. А. Дружинное государство // Родина. 2002. № 2. С. 40.

Ионова О. В. Из истории якутского народа (первая половина XVII в.). Якутск: Кн. изд-во, 1950. 112 с.

Ксенофонтов Г. В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. Новосибирск: Наука, 1977. 245 с.

Ксенофонтов Г. В. Ураанхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. Якутск: Нац. изд-во РС(Я), 1992. Т. 1, кн. 1. 416 с.

Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2005. Т. 3. 598 с.

Никифоров В. М. Стадии эпических коллизий в олонхо: формы фольклорной и книжной трансформации. Новосибирск: Наука, 2002. 208 с.

Окладников А. П. Социальный строй предков якутов // СЭ. 1947. № 2. С. 95–121.

Окладников А. П. Из истории общественных отношений у якутов в XVII веке (легенды о Тыгыне и историческая действительность) // СЭ. 1949. № 2. С. 98–118.

Парфенова О. А. Конь и харизма Тыгына в преданиях якутов // Илин. 1999. № 1–2. С. 26–28.

Предания, легенды и мифы саха (якутов) / Сост. Н. А. Алексеев, Н. В. Емельянов, В. Т. Петров. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 1995. 400 с.

Попов Г. А. История Якутского края (XVII и XVIII вв.) // Попов Г. А. Соч. Якутск, 2005. Т. 1: История христианского просвещения якутов и других инородцев Якутской области. Очерки по истории Якутии. 280 с.

Санников С. В. Образы королевской власти эпохи великого переселения народов в раннесредневековой западноевропейской историографии. Новосибирск, 2009. 215 с.

Серошевский В. Л. Якуты: опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: РОС-СПЭН, 1993. 736 с.

Токарев С. А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск: Якут. гос. изд-во, 1945. 414 с.

Материал поступил в редколлегию 10.06.2011

V. V. Ushnitsky

TYGYN'S EPOCH: HISTORIOGRAPHY AND FORMATION OF FOLK IMAGES

The article studies the problem of the existence of the culture of potestas among the Sakha (Yakuts) in the pre-Russian period. The myth about Tygyn as about a leader of the Sakha tribes has a wide historiography. Correlating the folklore materials with the written documents, one can trace the time and conditions of formation of the Sakha sovereign's folklore type.

Keywords: history of Yakutia, chiefdom, earlier State, culture of potestas, folklore, myth, historiography.